



О НАХОДКАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КОСТЕЙ НА СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ СЕРЕДИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до н.э.

В.В. Мокробродов

Институт археологии РАН, Москва, Россия
mokrobodov@yahoo.com

Аннотация. В представленной статье автором анализируются археологические данные по погребальной обрядности оседлого населения среднеазиатского региона в эпоху раннего железа. Долгое время находки подобного рода были практически неизвестны, на основании чего был сделан ряд выводов. Систематизация разрозненных свидетельств о находках человеческих костей на поселениях и ряд новейших находок этого типа позволяют выделить основные черты ритуала – стремление к изоляции останков от земли, неполные костяки (преимущественно черепов), деформация тел, происходившая до разложения останков, смешение человеческих останков с костями животных и пр. На основании анализа сведений из источников, рассмотрения выявленных элементов, исключений и аналогий автором делается вывод о непротиворечии обнаруженных свидетельств маздеистским погребальным практикам и о большом влиянии более ранних среднеазиатских традиций на сложение классического зороастрийского погребального обряда.

Ключевые слова: Средняя Азия, эпоха раннего железа, находки человеческих костей, сведения источников, зороастризм

У большинства исследователей, рассматривающих проблемы истории и археологии раннежелезного века Средней Азии, по мере погружения в тему складывается двоякое ощущение: с одной стороны, памятники данного периода широко известны и исследуются на протяжении многих десятилетий, накоплена солидная база по материальной культуре того времени, с другой стороны, существуют значительные пробелы, мешающие адекватной оценке исторической ситуации. Одним из таких можно считать и вопрос, по поводу которого на протяжении последнего столетия было написано немало научных монографий, статей и заметок. Речь идет о погребальной обрядности – архиважнейшем источнике по духовной культуре и идеологическим воззрениям населения юга Средней Азии, в том числе и в хронологическом промежутке между позднебронзовым веком и греко-македонским вторжением, а также ее религиозном базисе.

Изначально указанный пробел был обусловлен кажущейся немногочисленностью археологических свидетельств о погребальной обрядности населения Средней Азии эпохи раннего железа. Долгое время считалось, что погребения

Мокробродов Виктор Валентинович – младший научный сотрудник Института археологии РАН.

для данного периода вовсе отсутствуют. Это породило мнение о коренном сломе характерной для эпохи поздней бронзы традиции ингумационных погребений в скорченном положении с сопроводительным инвентарем, что связывалось с бытованием уже в раннежелезном веке зороастрийского обычая выставления умерших. На основании совокупности сведений из источников (в том числе отсутствия археологических свидетельств о захоронениях) первым данную идею, по-видимому, наиболее полно сформулировал И.М. Дьяконов,¹ впоследствии теорию поддержали многие другие исследователи.

Помимо изысканий ученых, в первую очередь апеллирующих именно к отсутствию погребений на территориях с преимущественно оседло-земледельческим типом хозяйства, ранее предпринимались и попытки обобщений скудных археологических данных. Речь идет о работах Э.В. Ртвеладзе, А.С. Сагдуллаева и Р.Х. Сулейманова². Забегая вперед, отметим, что они также склонялись к большому влиянию на погребальный обряд воззрений маздаяснийского круга.

Вкратце напомним, что последователи зороастризма отличаются весьма специфическим отношением к захоронениям, связанным с желанием избежать осквернения мертвым телом священных для адептов данной религии стихий – огня, воды, земли. Ввиду этого стремления ими были разработаны известные нам по более поздним зороастрийским канонам и наблюдениями за позднесредневековыми парсами погребальные практики, заключающиеся в помещении умершего на изолированную от земли и воды территорию либо на специально построенное здание («дахму») – т.н. обряд выставления. Там с помощью хищных птиц и животных-падальщиков происходил процесс очищения трупа от разлагающейся плоти. Далее кости помещались на также изолированную от чтимых стихий площадку в специальных постройках (наусах) или изделиях (оссуариях)³.

В 2006 г. в ходе раскопок расположенного на крайнем юге Узбекистана поселения Шортэпа (середина I тысячелетия до н.э.) нами были обнаружены человеческие кости – фрагменты черепов в небольшом углублении в материке, поверх которых в ненарушенном ямами культурном слое фиксировались многочисленные кости животных (преимущественно крупного рогатого скота) не в анатомическом порядке. По заключению антрополога Х. Бендесу-Сармиенто (CNRS), это были останки 4-х человек – часть черепа предположительно женщины-европеида 30–35 лет, затылочный свод более крупного черепа, крупная нижняя челюсть мужчины со следами последовавшей до разложения останков деформации, нижняя челюсть ребенка 5–10 лет.

Эта находка, наряду с перманентно поступающими сведениями об обнаруже-

¹ Дьяконов 1971, 132.

² См., в частности, Ртвеладзе 1988, 21–22; Сагдуллаев 1990; Сулейманов 2000, 226–307.

³ По погребальным обрядам зороастрийцев существует обширная научная литература. Непосредственно для нашей территории следует выделить следующие работы: Богомолов 2007; Bouchardat 1988; Grenet 1984; Иваницкий 1992; Иностранцев 1909; Литвинский 1983; Литвинский, Седов 1984; Мейтарчиян 2001; Modi 1905; Пьянков 2005; Rapoport 1963; Рапопорт 1971; Ртвеладзе 1989; Rtveldadze 1987; Сагдуллаев 1990; Снесарев 1963; Teuffer 2013; Хисматулин, Крюкова 1997. Важные данные по погребальным ритуалам содержатся и в общих работах по зороастрийской религии и времени ее бытования в Средней Азии – см. соответствующие главы: Бойс 1987; Ртвеладзе 1988; Сулейманов 2000; Herzfeld 1947 и мн. др. Главным источником по канонам зороастрийцев является Видевдат – одна из частей Авесты, состоящая из 22 глав (фрагардов), посвященных прежде всего борьбе против осквернений и ритуальной чистоте (Ртвеладзе и др. 2008).

ниях фрагментов человеческих скелетов в слоях с материалами середины I тысячелетия до н.э.⁴, побудила нас обратиться к данной теме. В 2008 г. автором этих строк в рамках исследовательского проекта IFEAC был произведен поиск и анализ всех известных данных по захоронениям и останкам людей вне погребений для периода раннего железа на территории современного Узбекистана, – а таких, вопреки неполным и устаревшим данным, оказалось не так уж и мало.

Обобщив приводившиеся археологами данные с новыми находками и теми признаками погребальных обрядов, которые ускользали от исследователей, только для одной из наиболее изученных зон Средней Азии середины I тысячелетия до н.э. – долины Сурхандарьи получаем следующую картину распространения человеческих останков. На крупнейшем в этой зоне памятнике эпохи раннего железа – Кизылтепа были выявлены разрозненные кости скелета человека в небольшом углублении под обмазкой пола нежилого помещения – либо специально погребенные, либо находившиеся в земле до строительства⁵. В округе поселения, близ объекта Кизылча I, отмечены фрагменты черепной коробки человека, предположительно относящиеся к раннежелезному веку⁶. На Кучуктепа, помимо многочисленных «...костей человека, в основном от черепа, валявшихся на полах»⁷, обнаружены останки трех человек (погребение, датируемое VI–IV вв. до н.э.) и фрагменты двух черепов (старика-европеоида и ребенка) из раннего помещения⁸. Верхняя часть могильной ямы погребения разрушена, однако, по всей вероятности, оно впускное. Яма довольно глубокая, дно могилы выложено галькой. Покойник (мужчина-европеоид 30–35 лет) лежал на спине, головой на север, со слегка согнутыми правыми рукой и ногой, на левом плече и у левой ноги найдено по одному бронзовому трехлопастному черешковому наконечнику⁹. Фрагменты человеческих костей также были обнаружены в слоях поселений Бектепа (Бандыхан II)¹⁰, Широбтепа¹¹, Талашкантепа I¹², Пшактепа¹³. Исходя из пока неопубликованных результатов остеологических определений материалов раскопок Байсунской экспедиции, человеческие кости присутствуют на Газимуллатепа, Кизылтепа и Киндыктепа¹⁴.

⁴ К примеру, вскоре после указанной находки в ранних слоях Кампыртепа (1 км от Шортепа) были найдены компактно расположенные останки нескольких людей в виде разрозненных черепов и костей (Двуреченская 2012, 67–68).

⁵ Сагдуллаев 1990, 34–35.

⁶ Сагдуллаев 1990, 34–35.

⁷ Альбаум 1969, 23.

⁸ Ходжайов 1980, 104–108.

⁹ Альбаум 1969, 72; Аскарлов, Альбаум 1979, 11; Ходжайов 1980, 104–105, рис. 2.

¹⁰ Ртвеладзе 1988, 21–22; Сверчков, Бороффка 2007, 119.

¹¹ Ртвеладзе 1988, 21–22.

¹² См. Ртвеладзе 1988, 21–22. Не совсем понятно, что представляет собой скелет с деформированным черепом, без могильной ямы над верхним полом башни № 7 Талашкантепа I (на уровне пола головой на север, культурный слой выше не нарушен – Шайдуллаев 2000, 52, 58). Хотя сам автор раскопок в другом месте этой публикации относит все погребения в верхних слоях данной крепости к позднему средневековью (Шайдуллаев 2000, 50), с учетом приведенных обстоятельств обнаружения скелет, скорее всего, следует отнести к последствиям насильственной гибели крепости (о следах мощного пожара и последующего запустения на этом памятнике см. Ртвеладзе, Пидавев 1993, 133–147; Шайдуллаев 2000, 50–63), к погребальной обрядности отношения не имеющей.

¹³ Аскарлов 1982, 38.

¹⁴ Устная информация проф. Н. Бороффка (DAI-BAЭ).

Учитывая относительную немногочисленность подобного рода находок,¹⁵ приведем факты об обнаружениях человеческих костей на поселениях периода раннего железа из других областей Средней Азии¹⁶. С Яздепе известны останки по крайней мере двух людей – расчищено погребение в слоях периода Яз II (женский скелет в скорченном положении на боку с сопроводительным инвентарем (сосудик и зернотерка))¹⁷; найдены останки юноши в слоях V–IV вв. до н.э.¹⁸. При раскопках ранних слоев Тиллятепа было найдено захоронение черепа в цилиндрическом сосуде VI в. до н.э.¹⁹. На поселении Тамошотепа (V–II вв. до н.э.) обнаружено несколько групп погребений, из которых древнейшая представлена десятью захоронениями в ямах под полами помещений, в том числе с сопроводительным инвентарем (сосуд баночной формы)²⁰. Близ усадьбы Дингильдже отмечен фрагмент человеческого черепа – по мнению М.Г. Воробьевой, это все, что осталось от захоронения (труположения) в алебастровом ящике-саркофаге, опущенном в опаленный грунт; рядом найдены бронзовые и каменные украшения, набор керамики, а также фрагменты костей животных и три собачьих черепа²¹. Детский череп в яме со слоями пепла был найден на Кюзелигыре²². Нередки находки отдельных человеческих костей на Еркургане, первичное залегание которых Р.Х. Сулейманов относит к слоям середины I тысячелетия до н.э.²³. Из наиболее ранних слоев Афрасиаба происходят следующие материалы: погребение периода Афрасиаб I, от которого остались следы могильной ямы и череп²⁴; погребение (труположение на спине головой на юг в неглубокой яме, обложенной и перекрытой фрагментами сырцового кирпича, у головы найден лощеный банковидный бокал) и человеческие кости (два целых и пять частично сохранившихся черепов на дне протекавшего близ описанного погребения древнего канала; обломки пяти черепов в слоях, перекрывающих уровень погребения) из слоев раннего этапа периода Афрасиаб II²⁵. При анализе остеологического материала с поселения Сангиртепа, датированного авторами раскопок IX–VIII вв. до н.э., были выявлены разрозненные остатки костей (5 фрагментов) скелета человека²⁶. На Нуртепа было вскрыто два захоронения – погребение (труположение на спине головой на запад с согнутой правой рукой) в перекрытой сырцом яме с подбойной камерой, с сопро-

¹⁵ Для сравнения можно привести следующие цифры по расположенным на тех же территориях объектам эпохи поздней бронзы. С Сапаллитепа известно 138 погребений, на могильнике Джаркутан вскрыто более 800 могил, на близлежащих Бустанских могильниках – около 100 (Аванесова 2001; Аскарлов 1977, 57–59; Аскарлов, Абдуллаев 1983; Ходжайов 1977 и др.).

¹⁶ Рассмотрение и описание обряда многочисленных курганных захоронений середины I тысячелетия до н.э., оставленных носителями иной по типу хозяйствования культуры, за исключением приводимого ниже ряда контекстных аналогий, выходит за рамки данной работы.

¹⁷ Массон 1959, 32.

¹⁸ Обстоятельства находки не ясны, имеются только краниологические данные (череп европеоидный, отмечена искусственная деформация кольцевого типа) – Зезенкова 1959, 107–108.

¹⁹ Сарияниди 1989, 37–38, рис. 11.

²⁰ Абдуллаев 1976, 41.

²¹ Воробьева 1973, 83–86, рис. 29.

²² Вишневская, Рапопорт 1997, 157.

²³ Сулейманов 2000, 239.

²⁴ Кошеленко (ред.) 1985, 289.

²⁵ Шишкина 1969, 227–228.

²⁶ К сожалению, опубликованные данные не содержат ни контекста находки, ни каких-либо иных сведений (Ермолова 1987, 100).

дительным керамическим инвентарем (двумя кувшинами и цилиндроконическим бокалом)²⁷ и предполагаемое Т.В. Беляевой свидетельство человеческих жертвоприношений в виде найденных в обложенной фрагментами керамики V–IV вв. до н.э. яме (2×2 м, глубина 1,6 м) беспорядочных, неполных и отчасти обгорелых фрагментов скелетов шести людей – двух женщин и малолетних детей²⁸.

Итак, какую же информацию об обрядах и верованиях древнего населения несут данные находки и в чем можно (если можно вообще) усмотреть свидетельства зороастрийского характера погребального обряда?

В первую очередь, стоит отметить, что довольно часто мы имеем дело с неполными костяками. Весьма вероятно, что это свидетельствует о предваряющих погребение манипуляциях с трупом, скорее всего производившихся в соответствии с эволюционировавшими позже практиками выставления. Более внимательный анализ останков позволяет утверждать это с большой уверенностью, причем дело не ограничивается выявленным на Шортепа фактом. Находки преднамеренно очищенных костей известны на раннетулхарском могильнике²⁹, расчлененные костяки зафиксированы на Чустском поселении³⁰ и ряде других ранних памятников (см. также в заключении). Раскопки могильника Тарым-кая I поздней фазы т.н. Куюсайской культуры оседлых скотоводов, наряду с погребениями и трупосожжениями под курганными насыпями, выявили «подхоронения» расчлененных костяков в баночных сосудах с сильно разрушенными костями, относимые исследователем к рубежу V–IV вв. до н.э. и впоследствии сменяемые «захоронениями оссуарного типа» в обложенных камнями сосудах³¹. Исследователи синхронных кочевнических погребальных памятников также акцентировали внимание на находках неполных скелетов³². Из числа последних подобных обнаружений на территории Средней Азии можно отметить находку предварительно очищенных костей в группе курганов раннежелезного века Мешекли³³.

Весомым доводом в пользу превалирования зороастрийского погребального обряда могло бы послужить обнаружение мест для отделения костей от плоти (дахма), однако подобные для интересующего нас времени не были найдены. Отсутствие дахм для раннежелезного века Средней Азии можно объяснить недостаточной изученностью территорий или, что более вероятно, выставлением тел либо просто на земле, либо на естественных возвышенностях. Кроме того, следует отметить тот факт, что за срытие дахмы верующим полагалась своеобразная индульгенция (Видевдат, 7)³⁴, в чем, возможно, и кроется причина столь малого ко-

²⁷ Кошеленко (ред.) 1985, 201; Негматов и др. 1982, 98.

²⁸ Беляева 1994, 21; Беляева 2004, 45–46.

²⁹ Мандельштам 1968, 39–40, 126.

³⁰ Заднепровский, Матбабаев 1984, 61.

³¹ Вайнберг 1979, 29 и сл.

³² Гуцалов 2011, 89; Яблонский 1996, 63 и мн. др. Л.Т. Яблонский усматривает аналогии данному виду захоронения предварительно очищенных костей в северокавказских курганных могильниках II–I тысячелетий до н.э. Заметим, что в памятниках раннежелезного века Дагестана, помимо указанного обряда, отмечена и изоляция человеческих останков от земли, что позволило исследователям предположить в целом зороастрийский характер погребений (Давутов 1974, 54–57).

³³ Баратов 2013, 43–44.

³⁴ Существует, правда, и иная трактовка данного постулата – поощрялось разрушение незороастрийских гробниц, однако, помимо автора этой идеи Х. Хумбаха (Humbah 1961, 100–101), она, насколько нам известно, практически не имеет сторонников.

личества археологических источников по погребальной обрядности того далекого времени.

Крайне важным свидетельством нам видится выявленное на Кучуктепа, Тиллятепа, Дингильдже, Нуртепа и некоторых более ранних памятниках (в частности, на Чустском поселении³⁵ или еще более раннем некрополе Гонура³⁶) стремление изолировать останки от земли. Данное явление впоследствии эволюционировало в оссуарный обряд погребения или в близкий ему и не менее распространенный (особенно в северной части региона) обряд захоронения костей в крупных сосудах³⁷ и отчасти сохранилось в качестве многочисленных пережиточных явлений в современных среднеазиатских погребальных обрядах³⁸. Помещение костей в сосуды, на подстилки и камни в целом удовлетворяло требованию защиты земли от скверны.

Ни одно животное не было чтимо адептами зороастризма выше, чем собака. Приведем лишь некоторые выдержки из Видевдата, 13-й фрагмент которого полностью посвящен этому животному (а по всему своду собака упоминается неизменно число раз): *«Собака – сторож и друг, данный тебе... Она не просит у тебя ни одежды, ни обуви. Она помогает тебе ловить добычу, она караулит твоё имущество, она забавляет тебя, когда ты отдыхаешь. Горе тому, кто ее обидит или пожалеет для нее здоровой пищи. Душа такого человека после смерти будет бродить вечно в уединении»*.³⁹ Обряд оглядывания собакой трупа (sagdid) – одна из главнейших составляющих комплекса канонических зороастрийских посмертных ритуалов. Судя по религиозным текстам, над телом мертвой собаки совершали такой же похоронный обряд, как и над телом человека (Видевдат 1, 4 и др.) Таким образом, продемонстрированное на Дингильдже особое отношение к собачьим черепам также вполне укладывается в русло зороастрийских воззрений. Более того, дингильджинская находка далеко не единственная. Известны захоронения собак, в том числе вместе с людьми, на Гонурдепе⁴⁰. К середине I тысячелетия до н.э. относятся захоронение собаки на Хумбузтепа⁴¹ и погребение собаки в хуме на Хантепа у кишлака Сават⁴². Для немного более позднего времени крайне интересным не только в этом контексте кажется захоронение в заброшенных керамических печах на Саратепа (Самаркандский Согд) человеческих черепов с костями собак и черепом свиньи, датированное II в. до н.э. Данные погребения их исследователем определенно связываются с зороастрийскими верованиями (причем И. Иваницкий считает топочные камеры наусами для человеческих черепов и

³⁵ Заднепровский, Матбабаев 1984, 61.

³⁶ Сарияниди 2010, 47.

³⁷ Козенкова 1961 и др.

³⁸ Снесарев 1963, 136 и сл.

³⁹ Цит. по: Плахов К.Н., Плахова А.С., <http://rus-katana-dogs.narod.ru/poroda/pg13.html>. Также см. подборку тематических выдержек из Видевдата (Крюкова 1994).

⁴⁰ Сарияниди 2001, 95 (цит. по: Антонова 2005, 114); Сарияниди 2010, 63, 66–68.

⁴¹ Болелов 1999, 86; 2002. Автор раскопок интерпретирует захоронение (датируемое им VI в. до н.э.) как очистительную жертву перед строительством здания. Немаловажным с точки зрения защиты земли от мертвой плоти является то, что под скелетом собаки выявлены остатки подстилки.

⁴² Грицина 1990, 33.

дахмами для собачьих останков)⁴³. В Хорезме (Токкала и Миздакхан) были найдены помещенные рядом оссуарии с костями человека и собаки⁴⁴.

Помимо данных соответствий, в приведенных выше примерах есть и определенные положения, на первый взгляд, обряду зороастрийцев противоречащие. В первую очередь речь идет о захоронении останков в землю. Действительно, в 3 фрагарде Видевдата в списке пяти самых неблагоприятных мест на земле названы «более всего оскверненные закопанными в ней останками собак и людей» и «То, где больше всего дахм». Также отметим отрывок из 6 фрагарда, где прямо предусмотрено суровое наказание за то, что человек бросает на землю часть тела мертвого человека (или фактически приравненной ему собаки) размером более верхнего сустава мизинца. При желании этот список можно расширить.

Однако на деле законы осквернения земли были не столь суровы, как может показаться при первом приближении, и сопровождались значительными послаблениями⁴⁵. В частности, правила, по-видимому, не распространялись на «... сухую землю, где реже всего бывали стада, огонь, барсом и верующий», на определенном (в зависимости от обстоятельств) расстоянии от перечисленных объектов, рекомендуемую для временного положения выловленного из воды трупа и помещения оскверненных субстанций (Видевдат, 8)⁴⁶. Более того, при определенных условиях фактически допускается и то, что в зороастрийской религиозной традиции считалось и считается тягчайшим грехом, – погребение. В 8 фрагарде есть описание временной могилы в доме (неглубокая яма в сухой земле с покрытым пеплом или навозом дном и сверху кирпичом, камнем или сухой землей). Интересным также кажется отрывок из 6 фрагарда: «Если верующие не могут осилить это [постройку костехранилища], должны они положить мертвого [точнее, то, что от него осталось после ритуального очищения] на землю, на ковер и подушку его, одетого в свет небес и смотрящего на солнце...»⁴⁷. Здесь необходимо обратиться к источникам о погребальных обрядах древних народов, которые заподозрить в «незороастризме» весьма сложно. Как отмечал И.В. Пьянков, «...реальный зороастрийский похоронный обряд сасанидских персов, описанный Агафием (II, 22–23), ближе к древнему бактрийскому обряду, нежели к обряду Видевдата»⁴⁸. В одной из работ о раннесредневековом зороастризме читаем: «...в позднесасанидском Парсе, цитадели Сасанидского зороастризма <...> вскрыто

⁴³ Иваницкий 1992, 55–57. Отметим и еще одно замечание этого исследователя: он настаивает, что захоронение отдельных черепов подразумевает предварительное расчленение тел, очищение последних от плоти.

⁴⁴ Рапопорт 1971, 29.

⁴⁵ В.Г. Шкода, анализируя среднеперсидское сочинение «Арда-Вираз намак», по этому поводу замечал, что «...в описании всех многочисленных благих дел праведников и прегрешений грешников никому не ставится в заслугу догматическое совершение похоронного обряда и не порицается иная погребальная практика, хотя указываются другие прегрешения в сфере ритуальной чистоты» (Шкода 2009а).

⁴⁶ Данное сообщение уже рассматривалось на предмет маздаяснийского характера погребальной обрядности Средней Азии эпохи раннего железа. Так, по мнению автора раскопок куюсайского могильника Тарым-кая I, зафиксированная на памятнике ситуация (см. выше) не противоречила общим предписаниям зороастризма, т.к. «погребения совершались лишь на возвышенностях, где не было ни воды, ни возделываемой земли», а сжигали «иноплеменников» (Вайнберг 1979, 52).

⁴⁷ В случае с временным погребением земля после считалась нечистой на протяжении 50 лет, в случае с труположением – лишь 1 год.

⁴⁸ Пьянков 2005, 362.

огромное разнообразие погребений: от нескольких типов захоронений костей с предшествующим выставлением трупов, до погребений в земле, сурово осуждаемых письменной зороастрийской традицией»⁴⁹.

Схожие факты можно привести и в отношении более ранних периодов. Так, Помпей Трог, писавший о парфянах в I в. н.э. сообщает, что «*общепринятое погребение [состоит в том, что трупы отдают] на растерзание птицам или собакам и в землю закапывают только голые кости*» (Justin. XLI. 3. 5). О населении же Ахеменидского Ирана Геродот пишет следующее: «...сведения о погребальных обрядах персы передают как тайну. Лишь глухо сообщается, что труп персы **придают погребению** только после того, как его растерзают хищные птицы или собаки. Впрочем, я достоверно знаю, что маги соблюдают этот обычай. ...Во всяком случае, персы **предают земле** тело покойника, покрытого воском» (Herod. I. 140). Преобладанию обряда захоронения в Иране середины I тысячелетия до н.э. имеются и другие, в том числе археологические, свидетельства⁵⁰.

Исходя из всего вышеизложенного, можно предположить, что захоронение очищенных костей либо тел умерших в землю (или помещение на землю) для погребальной обрядности середины I тысячелетия до н.э. было возможно не поощряемой, но все же нормой⁵¹. Это подтверждает наиболее популярный пассаж о погребальной обрядности Средней Азии середины I тысячелетия до н.э., восходящий к Онесикриту (известен в передаче Страбона): «*В древности согдийцы и бактрийцы не очень отличались от кочевников по образу жизни и обычаям, хотя у бактрийцев они были немного мягче. Однако и о последних Онесикрит и ему подобные не говорят ничего похвального; [сообщают,] что тех, кто стали беспомощными из-за старости и болезни, они бросают живыми на съедение собакам, нарочно содержимым для этого, которых на своем родном языке называют «погребателями»; что за стенами главного города бактрийцев земля выглядит чистой, а внутри **большая часть [пространства] полна человеческих костей**; что Александр уничтожил этот обычай*» (Strabo. XI. 11. 3)⁵². Однако бесспорно и то, что уже тогда предпринимались меры по ограничению контакта праха с землей, впоследствии вылившихся в запреты, принятие которых на практике было постепенным. Отголоски древнейших обрядов сохраняются, видимо, в классическом зороастризме в виде исключений и вынужденных мер.

Перейдем к кажущемуся небезынтересным следующему из приведенного выше перечня факту доминирования среди находок именно черепов. В позднейшей практике упокоения очищенных от плоти костей в оссуариях или керамических сосудах также либо отмечают только черепа, либо они занимают первенствующее место поверх других костей. К примеру, в наусах Тепаишахского и Ялангтушского некрополей найдено значительное количество черепов, наряду с редчайшими находками прочих костей⁵³. Известно захоронение черепа в одном

⁴⁹ Шкода 2009, 14.

⁵⁰ Дандамаев, Луконин 1980, 321–323. Там же см. многочисленные ссылки на работы, посвященные этому вопросу.

⁵¹ Существует предположение, что мотивы ингумации у зороастрийцев состояли во вручении покойника Матери-Земле для перерождения (Богомоллов 2007, 79).

⁵² Вокруг данного высказывания велась определенная полемика, на настоящий момент оно считается весьма достоверным (см, например, Литвинский, Седов 1983, 107–108).

⁵³ Мейтарчиян 2001, 71–73.

из помещений Дильберджины⁵⁴. О черепаках с Шортепа, Кампыртепа, Дингильдже, Афрасиаба, Тиллятепа и других объектов середины I тысячелетия до н.э. говорилось выше. Свойственны подобные захоронения и для эпохи бронзы. Так, в крепостной стене цитадели Джаркутана был найден череп ребенка в хуме⁵⁵. Раскопки Алтындепе демонстрируют особое внимание к черепакам, часть которых помещена в ниши погребального комплекса⁵⁶. На ферганских поселениях Чустской культуры также весьма часто встречаются захоронения отдельных черепаков и их скопления, что позволило Ю.А. Заднепровскому увидеть в них отражение «общеизвестного обычая культа черепаков, веры в их магическую силу <...> свойственной многим первобытным народам»⁵⁷. Позднее эта теория была поддержана и развита другими исследователями погребальной обрядности⁵⁸.

О культе черепаков имеется огромное количество исторических и этнографических свидетельств, потому остановимся только на некоторых аспектах, интересных в контексте нашей проблемы. Действительно, если существует почитание предков (а у зороастрийцев оно было в виде почитания фравашей – душ умерших)⁵⁹, часто подразумевающее стремление сохранить умершего близ себя, то наиболее логичным было бы при невозможности сбережения всего тела желание хранить именно голову, как наиболее полно передающую индивидуальные особенности человека и наиболее, если можно так выразиться, мистически-функциональную часть тела (трудно предположить, что наши далекие предки имели четкое представление о роли заключенного в черепную коробку мозга, однако не заметить, что от головы исходит речь, зависит зрение и пр., они не могли). В отношении взглядов последователей Зороастра заметим, что, согласно канонам этой религии, покинувшая бренное тело душа проводит в преддверии индивидуального суда три дня в размышлениях и молитвах именно у головы трупа⁶⁰. Более того, несмотря на прямое указание удалить прах на определенное расстояние от священных предметов (в первую очередь от огня), содержащееся в Видевдате, в наиболее фундаментальном комментарии авестийских текстов «Бундахишн» имеется пожелание о помещении огня «...горящим в течение трех ночей до наступления дня на том месте, где была его голова»⁶¹. Не свидетельствуют ли косвенным образом эти факты о том, что отношение к голове, как последнему прибежищу души, в

⁵⁴ Кругликова, Пугаченкова 1977, 47.

⁵⁵ Ширинов 2000, 40.

⁵⁶ Массон 1974, 5–10.

⁵⁷ Заднепровский 1962, 22–24, 99. Что касается разрозненных остатков других частей человеческих скелетов, то данный исследователь отвергает бытовавшее ранее предположение о вероятном каннибализме населения Ферганы в эпоху бронзы (Спришевский 1957, 72), объясняя их позднейшими перемещениями и разрушениями.

⁵⁸ См., в частности, Рапопорт 1971, 35–36 (эта работа включает в себя и рассмотрение сведений из различных источников на данную тему, в том числе важное свидетельство Геродота о культе черепаков у современного ему восточноиранского племени исседонов); Сулейманов 2000, 240–241, 304–305 и др.

⁵⁹ Вероятностная связь культа фравашей с зороастрийскими погребальными обрядами уже предполагалась исследователями (см., например, Рапопорт 1991, 39). Справедливости ради заметим, что существует точка зрения, отрицающая высокую роль культа предков в догматическом зороастризме (Лелеков 1992, 40–41, 139, 214).

⁶⁰ Мейтарчиан 2001, 44 и сл. Там же см. многочисленные ссылки на обрядовые тексты по данному вопросу

⁶¹ Мейтарчиан 2001, 45.

среде зороастрийцев в смысле ритуальной нечистоты и загрязнения благой среды, было не столь суровым и однозначным?

Отмеченное смешение человеческих останков с костями животных также может показаться чуждым зороастрийскому комплексу воззрений. Традиционными являются следующие объяснения: в подобных случаях мы либо имеем дело со случайными последующими перемещениями культурных пластов с костями животных⁶², либо со свидетельствами жертвоприношений и остатками погребальных тризн. Вторая точка зрения распространена намного больше: например, все костные останки животных в погребениях Сапалли и Джаркутана (а таковые отмечены приблизительно в 25 % изученных могил) безоговорочно считаются свидетельствами жертвоприношений⁶³; все многочисленные находки костей животных в наусах принято связывать с ритуалами жертвоприношения и поклонения⁶⁴ и т.д. Есть косвенные упоминания о жертвоприношениях у населения Средней Азии и в античных источниках⁶⁵.

Не касаясь весьма известного среди кочевого населения евразийских степей обряда захоронения лошадей в курганах⁶⁶ и предположенного выше непротиворечия духу зороастрийских верований обряда погребения чтимых собак по соседству с людьми, рассмотрим вероятные объяснения этой составляющей погребальной обрядности с точки зрения соответствия указанным воззрениям. Для этого, видимо, следует обратиться к исконной индоевропейской религии, определенные ритуалы которой, не принятые классическим зороастризмом, известны нам по индоарийским культам ведийского толка. Именно их реликты склонен видеть Р.Х. Сулейманов в ритуальном погребении человеческих черепов в сочетании с костями лошади, коровы и козы, отмеченном на одном из памятников чувстской культуры Ферганы⁶⁷. Согласно ему, прямой аналогией указанному обряду является замуровывание головы человека с костями четырех разновидностей домашнего скота в жертвенные алтари древнего индийского Агни⁶⁸. Возможно, определенные отголоски данного обряда можно видеть в сообщениях античных авторов о погребальных обрядах массагетов – для населения севера и востока Средней Азии раннежелезного века некоторые ведийские ритуалы, вероятно, были далеко не чужды. Вот как сообщает о них Геродот «...когда кто-нибудь очень состарится, все родственники, собравшись, убивают его и вместе с ним разный скот, варят мясо и съедают» (Herod. I. 216). Схоже с этим и восходящее к Гекатею Милетскому сообщение Страбона: «Самую лучшей смертью считается у них та, когда дожившие до старости изрубиваются вместе с бараниной и в таком

⁶² Так, к примеру, считал еще Ю.А. Заднепровский, удивлявшийся «варварскому» отношению древнего населения к человеческим останкам, проявлявшемуся, по его мнению, в отмеченных на поселениях Чуст и Дальверзин смешениях костей животных и человека в хозяйственных ямах (Заднепровский 1962, 99).

⁶³ Ср. Аскарлов, Ионесов 1991; Ширинов 2000, 40; Антонова 2005 и др.

⁶⁴ Мейтарчиян 2001, 111 со ссылкой на Пугаченкова 1987, 50, 53.

⁶⁵ См. сведения Геродота о массагетском культе Солнца и описание обрядов близких сакам скифов (Herod. I. 216).

⁶⁶ Ср. Таиров 2005, 9–10, 42–43 и др.

⁶⁷ Сулейманов 2000, 243. Об указанном погребении см. Кошеленко (ред.) 1985, 195.

⁶⁸ Сулейманов 2000, 243–244 со ссылкой на: Лелеков 1992, 185.

виде поедаются» (Strabo. XI. 8. 6)⁶⁹. Не исключено, что кости благих животных могли выполнять и своеобразную функцию защиты от злых духов. В качестве возможного подтверждения позитивного влияния животных можно привести один из важнейших погребальных ритуалов зороастрийцев – *sagdid*. В данном контексте полезными могут оказаться этнографические наблюдения. В частности, для излечения последствий психического заболевания (изгнания злого духа) киргизы раскрашивали черепа собаки и лошади, дабы приманенные таким образом духи покинули недужного⁷⁰. Туркмены и киргизы, принося животных в жертву, считали, что болезнь переселяется в жертвенное животное, кости которого необходимо сохранить⁷¹. Кроме перечисленных предположений, можно допустить, что данные находки связаны с тайными аспектами культов того времени, непостижимыми при нашем уровне знаний о них.

В представленном перечне находок костей есть два элемента, еще менее соответствующих зороастрийским канонам. Речь об обгорелых костях с Пшактепа и Нуртепа, а также о фрагментах человеческого скелета, найденных вблизи от священного огня храма Киндыктепа. На основании находок данного рода на Пшактепа исследователи объекта предположили в качестве его основной функции мемориально-погребальную, с «крематорием» в центральном закрытом коридоре. Весьма обоснованные сомнения предлагаемой А.А. Аскарковым функциональной интерпретации Пшактепа уже высказывались многими учеными⁷². Мы отметим лишь что, несмотря на все разночтения с дошедшими до нас канонами, огнепоклонники юга Средней Азии вряд ли бы позволили себе подобное отношение к наиболее чтимой из стихий – огню⁷³. Единственное возможное объяснение данного нонсенса может состоять в том, что на объектах с обгорелыми костями обитали чуждые основному населению исследуемой территории носители верований, характерных для более раннего населения северной и восточной окраин Средней Азии⁷⁴, а также ведийской Индии⁷⁵, что в случае с сурхандарьинским

⁶⁹ Ю.А. Рапопорт (1971, 25–27) склонен видеть в данных обрядах пережитки первобытных тотемических верований.

⁷⁰ Мейтарчиан 2001, 173 со ссылкой на Баялиева 1972, 111.

⁷¹ Басилов 1992, 105, 152–154 и др.

⁷² См., в частности, Аршавская 1987, 93–95.

⁷³ См. также Сагдуллаев 1990, 30–31, 36.

⁷⁴ Для указанных среднеазиатских территорий обряд кремации или ритуального возжигания огня близ труположения считается свойственным племенам позднеандроновской культурной общности эпохи поздней бронзы; связь культа огня с погребальными курганами характерна для раннесакского населения современного Казахстана; значительную роль огня (вплоть до сожжения трупов вместе с погребальными сооружениями) исследователи отмечают для погребальных обрядов низовьев Сырдарьи первой половины I тысячелетия до н.э. (Сулейманов 2000, 228, 241. Там же см. ссылки на соответствующие публикации). Симбиоз труположения и трупосожжения в кочевнических могильниках (т.н. биритуализм) является весьма широко распространенной практикой фактически по всей степной полосе Евразии эпохи поздней бронзы и раннего железа (см., к примеру, Яблонский 1996, 21–26).

⁷⁵ См. соответствующую подборку религиозных текстов и рассмотрение вопроса их влияния на погребальную обрядность андроновской культуры (Кузьмина 1986, 74–80 и сл). По данной проблеме существует значительное количество и узкоспециальных статей.

Пшактепа крайне маловероятно⁷⁶. Все же нам кажется, что данные находки связаны не с конкретным ритуалом, но с процессом разрушения объекта.

Схожее объяснение наиболее логично и для находки фрагментов человеческих костей на Киндыктепа, несмотря на наличие уже упоминавшихся возможно-стей соседства священного огня с трупом и вероятности существования обрядов, неизвестных нам из более поздних канонов. Более того, Киндыктепа был храмом не все время и возводился на издревле обжитой территории, таким образом, попадание костей в слои, скажем, в процессе забутовки, или, что не менее возможно, в момент разрушения храма как такового, исключать нельзя никоим образом.

Нами уже приводились многочисленные примеры аналогий определенным составляющим погребальных практик населения юга Средней Азии середины I тысячелетия до н.э. в более ранних местных комплексах. Действительно, большинство обрядов, выявленных для нашего периода, генетически восходят к традициям, фиксируемым у среднеазиатского населения эпохи поздней бронзы. Остановимся лишь на характерных не только для периода раннего железа, но и для канонического зороастризма моментах. Говоря о практике захоронения предварительно расчлененных трупов, помимо уже перечисленных соответствий, уместно вспомнить и о погребениях на некрополе Джаркутан IVB, Бустан Ш, на Тоголок 21, где кости умерших открыты не в анатомическом порядке, а в своеобразных кучках. В могильнике Кокча 3 отмечен схожий обряд, причем кости умерших лежат не на земле, а на циновке⁷⁷. Нельзя не отметить, что определенные составляющие фиксировались и ранее эпохи поздней бронзы – времени, когда все эти имеющие древние корни обряды широко распространяются по Средней Азии. Так, захоронение расчлененных костей человеческого скелета известно с энеолитического Саразма⁷⁸. Предлагались и более ранние параллели. В частности, «... в археологии неолитической Гиссарской культуры, переросшей в культуру южнотаджикистанских горных поселений поздней бронзы, равно как и в археологии близкой к ним бурзахомской культуры Кашмира, мы находим все то, о чем говорилось выше по поводу погребального обряда бактрийцев и родственных им народов: отсутствие могильников, наряду с находками предварительно очищенных костей людей и собак и редких скорченных погребений в пределах поселений»⁷⁹. Вместе с тем к середине I тысячелетия до н.э. в погребальных обрядах оседлоземледельческого населения Средней Азии практически был изжит неприемлемый для зороастризма ритуал трупосожжения, характерный для кочевников эпохи поздней бронзы – раннего железа. Все это свидетельствует о том, что проявившийся в погребальной обрядности комплекс воззрений не только прошел длительный процесс становления со свойственными ему определенными изменениями, но и оказался настолько близким и важным для носителей традиционных для юга Средней Азии культур,

⁷⁶ Для Нуртепа, учитывая периферийную по отношению к сельскохозяйственному ареалу локализацию этого объекта, данное объяснение исключать нельзя, и, если дальнейшие исследования указанного памятника преподнесут схожие находки, мы будем вынуждены констатировать проявление на границе «авестийской» Средней Азии «ведийских» традиций не только в эпоху поздней бронзы, но и в период активного утверждения чуждых последним верований и культов, близких, в том числе, раннему кочевническому биритуализму.

⁷⁷ Ширинов 2000, 40–41.

⁷⁸ Исаков 1991, 45.

⁷⁹ Пьянков 2005, 364.

что сумел, наряду с некоторыми другими составляющими духовной и материальной культуры, пережив долгий период, характеризующийся кардинальными изменениями во многих областях жизни (время бытования комплексов типа Яз I), дать мощный импульс развитию дальнейших обрядов и практик, характерных для Среднего Востока на протяжении многих веков.

Подводя промежуточные итоги, можно констатировать следующие факты: для середины I тысячелетия до н.э. мы имеем сложную, видимо, весьма регламентированную (практически все выявленные составные признаки не единичны), но во многом еще не устоявшуюся систему погребальных обрядов, с преобладанием имеющих местные корни традиций, где-то полностью соответствующую, а в целом не противоречащую погребальным практикам последователей Зороастра. Таким образом, на основании исследованных материалов, можно подтвердить тезис об определенном влиянии на погребальные обряды Средней Азии исследуемого периода комплекса маздаяснийских воззрений, высказывавшийся нашими предшественниками. В то же время мы не можем однозначно определить обряд как зороастрийский, даже несмотря на то, что на территории Средней Азии и Восточного Ирана еще долгое время (а кое-где и никогда вовсе) погребальный обряд не соответствовал требованиям писаных канонов данной религии. Уместнее будет определить соответствие погребальных практик комплексу древних индоевропейских воззрений с отчетливой ролью тех элементов, которые в недалеком будущем составили основные постулаты праведного зороастризма⁸⁰.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев, А. 1976: Отчет о раскопках Тамошо-тепе в 1972 г. *Археологические работы в Таджикистане* XII, 38–47.
- Аванесова, Н.А. 2001: Результаты исследования некрополя Бустон VI. *Археологические исследования в Узбекистане – 2000 г.* 1. Самарканд, 31–37.
- Альбаум, Л.И. 1969: К датировке верхнего слоя поселения Кучуктепа. *История материальной культуры Узбекистана* 8, 69–79.
- Антонова, Е.В. 2005: Об останках животных в памятниках Бактрийско-Маргианского археологического комплекса. В сб.: Е.А. Антонова, Т.К. Мкртычев (ред.), *Центральная Азия. Источники, история, культура.* М., 105–118.
- Аршавская, З.А. 1987: Заметки об архитектуре Бактрии эпохи бронзы – раннего железа (К характеристике типологических схем). В кн.: А.С. Сагдуллаев (ред.), *Усадьбы древней Бактрии.* Ташкент, 91–96.
- Аскаров, А.А. 1977: *Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана.* Ташкент.
- Аскаров, А.А., Альбаум, Л.И. 1979: *Поселение Кучуктепа.* Ташкент.
- Аскаров, А.А. 1982: Раскопки Пшактепа на юге Узбекистана. *История материальной культуры Узбекистана* 17, 30–41.

⁸⁰ Вполне вероятно, что установленные архаичные черты в погребальной обрядности Средней Азии середины I тысячелетия до н.э. в сочетании с отчетливо выделяемыми местными предпосылками для ряда составляющих погребальных ритуалов, могут послужить дополнительными доводами к ответу на один из интереснейших вопросов о времени и месте сложения зороастрийской религии и объяснить определенные расхождения между «среднеазиатским вариантом зороастризма» и его «классическим вариантом» не столько сектантским характером или периферийным положением первого, сколько его исконностью и первичностью.

- Аскарлов, А.А., Абдуллаев, Б.Н. 1983: *Джаркутан. (К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана)*. Ташкент.
- Аскарлов, А.А., Ионесов, В.И. 1991: Жертвоприношения животных в погребальной практике оседлых земледельцев древней Бактрии. *История материальной культуры Узбекистана* 25, 22–33.
- Баратов, С.Р. 2013: Новые данные по археологии Южного Хорезма. *Археология Узбекистана* 6, 27–59.
- Басилов, В.Н. 1992: *Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана*. М.
- Баялиева, Т.Д. 1972: *Доисламские верования и их пережитки у киргизов*. Фрунзе.
- Беляева, Т.В. 1994: О раскопках на Нуртепа и в Худжанте. *Археологические работы в Таджикистане* XXV, 19–22.
- Беляева, Т. 2004: Нуртепа-Кирополь (из истории исследования). В сб.: А. Саидов, А. Хакимов, Э.В. Ртвеладзе (ред.), *Transoxiana. История и культура*. Ташкент, 43–47.
- Богомолов, Г.И. 2007: Из истории зороастрийского погребального обряда. В сб.: Т.Ш. Ширинов, Ш.Р. Пидаев (ред.), *Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития*. Самарканд–Ташкент, 77–81.
- Бойс, М. 1987: *Зороастрийцы. Верования и обычаи*. М.
- Болелов, С.Б. 1999: Некоторые итоги археологических работ на Хумбузтепа. *Общественные науки в Узбекистане* 9–10, 85–90.
- Болелов, С.Б. 2002: Ритуальное захоронение на Хумбузтепа (Южный Хорезм). *Общественные науки в Узбекистане* 3–4, 83–86.
- Вайнберг, Б.И. 1979: *Памятники Кююсайской культуры. Кочевники на границах Хорезма*. (Труды ХАЭЭ–XI). М., 7–76.
- Вишневецкая, О.А., Рапопорт, Ю.А. 1997: Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма. *ВДИ* 2, 150–173.
- Воробьева, М.Г. 1973: *Дингильдже. Усадьба середины I тысячелетия до н.э. в древнем Хорезме*. М.
- Грицина, А.А. 1990: Древнеуструшанский компонент в интеграции согдийской культуры. В сб.: Ю.Ф. Буряков (ред.), *Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда*. Ташкент, 33–34.
- Гуцалов, С.Ю. 2011: Погребальный обряд кочевников Южного Приуралья в конце VI–V вв. до н.э.: истоки. В сб.: Г.Г. Матишов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко (ред.), *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии (МИАЮР 3)*. Ростов-на-Дону, 88–104.
- Давудов, О.М. 1974: *Культуры Дагестана эпохи раннего железа*. Махачкала.
- Дандамаев, М.А., Луконин, В.Г. 1980: *Культура и экономика Древнего Ирана*. М.
- Двуреченская, Н.Д. 2012: Масштабное сооружение раннеэллинистического периода на Кампыртепа. *Археологические исследования в Узбекистане-2008–2009* 7, 64–74.
- Дьяконов, И.М. 1971: Восточный Иран до Кира (к возможной новой постановке вопроса). В сб.: Б.Г. Гафуров (ред.), *История Иранского государства и культуры*. М., 122–153.
- Ермолова, Н.М. 1987: Костные остатки из памятников раннего железного века (Южного Узбекистана). В кн.: А.С. Сагдуллаев (ред.), *Усадьбы древней Бактрии*. Ташкент, 99–100.
- Заднепровский, Ю.А. 1962: *Древнеземледельческая культура Ферганы* (МИА 118). М.–Л.
- Заднепровский, Ю.А., Матбабаев, Б.Х. 1984: Основные итоги изучения Чустского поселения в Фергане (1950–1982 гг.). *История материальной культуры Узбекистана* 19, 46–71.
- Зезенкова, В.Я. 1959: Краниологические материалы с территории древнего и средневекового Мерва. *Труды ЮТАКЭ* IX, 107–131.

- Иваницкий, И.Д. 1992: Зороастрийский погребальный обряд Самаркандского Согда. В сб.: Ю.Ф. Буряков (ред.), *Международная конференция «Средняя Азия и мировая цивилизация». Тезисы докладов.* Ташкент, 55–57.
- Иностранцев, К.А. 1909: О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. *Журнал министерства народного просвещения. Новая серия XX*, 95–121.
- Исаков, А.И. 1991: *Саразм. (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зерафшанской долины (раскопки 1977–1983 гг.)).* Душанбе.
- Козенкова, В.И. 1961: К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии. *СА 3*, 251–260.
- Кошеленко, Г.А. (отв. ред.) 1985: *Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии.* Серия Археология СССР с древнейших времен до средневековья. М.
- Кругликова, И.Т., Пугаченкова, Г.А. 1977: *Дильберджин (раскопки 1970–1973 гг.). Ч. 2.* М.
- Крюкова, В.Ю. (пер. с авест. и комм.), 1994: *Авеста. Видевдат. Фрагмент тринадцатый. Восток 2*, 151–157. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://avesta.isatr.org/avesta/0011301.htm>
- Кузьмина, Е.Е. 1986: *Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня.* Фрунзе.
- Лелеков, Л.А. 1992: *Авеста в современной науке.* М.
- Литвинский, Б.А. 1983: Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии (к вопросу о парфяно-бактрийских соответствиях). В сб.: Б.А. Литвинский (ред.), *Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности.* М., 81–123.
- Литвинский, Б.А., Седов, А.В. 1984: *Культы и ритуалы кушанской Бактрии.* М.
- Мандельштам, А.М. 1968: *Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (МИА 145).* Л.
- Массон, В.М. 1959: *Древнеземледельческая культура Маргианы (МИА 73).* М.
- Массон, В.М. 1974: Раскопки погребального комплекса на Алтын-депе. *Советская археология 4*, 3–22.
- Мейтарчян, М.Б. 2001: *Погребальные обряды зороастрийцев.* М.–СПб.
- Негматов, Н.Н., Беляева, Т.В., Мирбабаев, А.К. 1982: К открытию города эпохи поздней бронзы и раннего железа Нуртепа. В сб.: Н.Н. Негматов, В.А. Ранов (ред.), *Культура первобытной эпохи Таджикистана.* Душанбе, 89–111.
- Пугаченкова, Г.А. 1987: *Из художественной сокровищницы Среднего Востока.* М.
- Пьянков, И.В. 2005: О погребальном обряде бактрийцев. В сб.: В.П. Никаноров (отв. ред.), *Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура.* СПб., 360–364.
- Рапопорт, Ю.А. 1971: *Из истории религии древнего Хорезма (Труды ХАЭЭ VI).* М.
- Рапопорт, Ю.А. 1991: *Религия древнего Хорезма. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.* М.
- Ртвеладзе, Э.В. 1988: *Древняя Бактрия – Средневековый Тохаристан. Динамика историко-культурного развития (по материалам амударьинского правобережья): автореферат докторской диссертации.* М.
- Ртвеладзе, Э.В. 1989: Погребальные сооружения и обряд в Северном Тохаристане. В сб.: Г.А. Пугаченкова (отв. ред.), *Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана.* Ташкент, 53–72.
- Ртвеладзе, Э.В., Пидяев, Ш.Р. 1993: Древнебактрийская крепость Талашкан-тепе I. *Российская археология 2*, 133–147.
- Ртвеладзе, Э.В., Саидов, А.Х., Абдуллаев, Е.В. (адаптированный перевод, исследование и комментарии) 2008: *Авеста. «Закон против дэвов» (Видевдат).* СПб.
- Сагдуллаев, А.С. 1987: *Усадьбы древней Бактрии.* Ташкент.

- Сагдуллаев, А.С. 1990: К изучению культовых и погребальных обрядов Средней Азии эпохи раннего железа. В сб.: З.И. Усманова (ред.), *Древняя и средневековая археология Средней Азии (К проблеме истории культуры)*. Ташкент, 29–38.
- Сарианиди, В.И. 1989: *Храм и некрополь Тиллятепе*. М.
- Сарианиди, В.И. 2001: *Некрополь Гонура и иранское язычество*. М.
- Сарианиди, В.И. 2010: *Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане)*. М.
- Сверчков, Л.М., Бороффка, Н. 2007: Археологические исследования в Бандыхане в 2005 г. *Труды Байсунской научной экспедиции* 3, 97–132.
- Снесарев, Г.П. 1963: Маздеистская традиция в погребальном обряде народов Средней Азии. В сб.: Б.Г. Гафуров (пред. ред. колл.), *Труды XXV международного конгресса востоковедов* III, 134–140.
- Спришевский, В.И. 1957: Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1955 г. *Известия АН СССР. Серия общественных наук* I, 65–72.
- Сулейманов, Р.Х. 2000: *Древний Нахшаб (Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э.)*. Самарканд–Ташкент.
- Таиров, А.Д. 2005: *Ранние кочевники урало-казахстанских степей в VII–II вв. до н.э.*: автореферат докторской диссертации. М.
- Хисматулин, А.А., Крюкова, В.Ю. 1997: *Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме*. СПб.
- Ходжайов, Т.К. 1977: *Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитена*. Ташкент.
- Ходжайов Т.К. 1980: *К палеоантропологии древнего Узбекистана*. Ташкент.
- Шайдуллаев, Ш.Б. 2000: *Северная Бактрия в эпоху раннего железного века*. Ташкент.
- Ширинов, Т.Ш. 2000: Средняя Азия во II тысячелетии до нашей эры и протозороастризм. *История материальной культуры Узбекистана* 31, 35–48.
- Шишкина, Г.В. 1969: Материалы первых веков до н.э. из раскопок на северо-западе Афрасиаба. В сб.: Я.Г. Гулямов (отв. ред.), *Афрасиаб* 1, 221–246.
- Шкода, В.Г. 2009: *Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII века)*. СПб.
- Шкода, В.Г. 2009: Погребальный обряд зороастрийцев. *Митра* 10 (14). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zoroastrian.ru/node/1344/>
- Яблонский, Л.Т. 1996: *Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников)*. М.
- Boucharlat, R. 1988: Pratiques Funeraire dans l’Iran Sasanide. In: P. Bernard, F. Grenet (eds.), *UNESCO colloque Histoire et cultes de l’Asie Centrale preislamique*. Paris.
- Grenet, F. 1984: *Les pratiques funeraires dans l’Asie Centrale sedentaire de la conquete greque a l’islamisation*. Paris.
- Herzfeld, E. 1947: *Zoroaster and his world*. Princenton.
- Humbah, H. 1961: Bestattungsformen in Vidêvdât. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 77, 100–101.
- Modi, J.J. 1905: *The funeral ceremonies of the Parses, their Origin and Explanations*. Bombay.
- Rapoport, Y.A. 1963: Some aspects of the evolution of zoroastrian funeral rites (according to archaeological finds). В сб.: Б.Г. Гафуров (пред. ред. колл.), *Труды XXV международного конгресса востоковедов*. Т. III. М., 127–134.
- Rtveladze, E.V. 1987: Les edifices Funeraires de la Bactriane serpenrionale et leur rapport au zoroastrisme. In: F. Grenet (ed.), *Cultes et monuments religieux dans l’Asie centrale preislamique*. Paris, 29–41.
- Teufer, M. 2013: Vom Grab als Totenhaus zum «Haus des Lobliedes» im jenseits. Überlegungen zum Aufkommen des Zoroastrismus aus archäologischer Sicht. In: G. Lindström, S. Han-

sen, A. Wiczorek, M. Tellenbach (eds.), *Zwischen Ost und West Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Archäologie in Iran und Turan 14*. Darmstadt, 1–41.

REFERENCES

- Abdullaev, A. 1976: Otchet o raskopkakh Tamosho-tepe v 1972 g. [Report on the excavations Tamosho-Tepe in 1972]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological research in Tajikistan] XII, 38–47.
- Albaum, L.I. 1969: K datirovke verkhnego sloya poseleniya Kuchuktepa [The Dating of the upper layer of the settlement Kuchuktepa]. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of material culture of Uzbekistan] 8, 69–79.
- Antonova, E.V. 2005: Ob ostankakh zivotnykh v pamyatnikakh Baktriysko-Margianskogo arkheologicheskogo kompleksa. [The animal remains in the sites of Bactria-Margiana archaeological complex]. In.: E.A. Antonova, T.K. Mkrtychev (eds.), *Tsentral'naya Aziya. Istochniki, istoriya, kul'tura* [Central Asia. Sources, history, and culture]. Moscow, 105–118.
- Arshavskaya, Z.A. 1987: Zametki ob arkhitekture Baktrii epokhi bronzy – rannego zheleza (K kharakteristike tipologicheskikh skhem). [Notes on the architecture of Bactria bronze age - early iron age (characteristics of the typological schemes)]. In.: A.S. Sagdullaev (ed.), *Usad'by drevney Baktrii* [Manors of ancient Bactria]. Tashkent, 91–96.
- Askarov, A.A. 1977: *Drevnezemledel'cheskaya kul'tura epokhi bronzy yuga Uzbekistana* [Ancient agricultural culture of bronze age southern Uzbekistan]. Tashkent.
- Askarov, A.A., Albaum, L.I. 1979: *Poselenie Kuchuktepa* [The Kuchuktepa settlement]. Tashkent.
- Askarov, A.A. 1982: Raskopki Pshaktepa na yuge Uzbekistana [Excavations of Pshaktepa in the South of Uzbekistan]. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of material culture of Uzbekistan] 17, 30–41.
- Askarov, A.A., Abdullaev, B.N. 1983: *Dzharkutan. (K probleme protogorodskoy tsivilizatsii na yuge Uzbekistana)* [Djarkutan. (The problem of protourban civilization in the South of Uzbekistan)]. Tashkent.
- Askarov, A.A., Ionesov, V.I. 1991: Zhertvoprinosheniya zivotnykh v pogrebal'noy praktike osedlykh zemledel'tsev drevney Baktrii [The sacrifice of animals in the funerary practices of sedentary farmers of ancient Bactria]. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of material culture of Uzbekistan] 25, 22–33.
- Avanesova, N.A. 2001: Rezul'taty issledovaniya nekropolya Buston VI [The results of the study of the necropolis Buston VI]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane – 2000 g.* [Archaeological research in Uzbekistan – 2000]. Samarkand, 31–37.
- Baratov, S.R. 2013: Novye dannye po arkheologii Yuzhnogo Khorezma [New data on the archaeology of southern Khorezm]. *Arkheologiya Uzbekistana* [Archaeology of Uzbekistan] 6, 27–59.
- Basilov, V.N. 1992: *Shamanstvo u narodov Sredney Azii i Kazakhstana* [Shamanism among the peoples of Central Asia and Kazakhstan]. Moscow.
- Bayaliev, T.D. 1972: *Doislamskie verovaniya i ikh perezhitki u kirgizov* [The pre-Islamic beliefs and their survivals among the kirghiz]. Frunze.
- Belyaeva, T.V. 1994: O raskopkakh na Nurtepa i v Khudzhante [On the excavations on Nurtepa and Hujant]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological research in Tajikistan] XXV, 19–22.
- Belyaeva, T. 2004: Nurtepa-Kiropol' (iz istorii issledovaniya) [Nurtepa-Kiropol (history of research)]. In.: A. Saidov, A. Hakimov, E.V. Rtveldze (eds.), *Transoxiana. History and culture*. Tashkent, 43–47.

- Bogomolov, G.I. 2007: Iz istorii zoroastriyskogo pogrebal'nogo obryada [About the history of the Zoroastrian funerary rite]. In.: T.Sh. Shirinov, Sh.R. Pidaev (eds.), *Rol' goroda Samar-kanda v istorii mirovogo kul'turnogo razvitiya* [The role of the city of Samarkand in the history of world cultural development]. Samarkand–Tashkent, 77–81.
- Bolelov, S.B. 1999: Nekotorye itogi arkheologicheskikh rabot na Khumbuztepa [Some results of archaeological work on Humbuztepa]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* [Social sciences in Uzbekistan] 9-10, 85–90.
- Bolelov, S.B. 2002: Ritual'noe zakhoronenie na Khumbuztepa (Yuzhnyy Khorezm) [The ritual burial at Humbuztepa (South Khorezm)]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* [Social sciences in Uzbekistan] 3-4, 83–86.
- Boucharlat, R. 1988: Pratiques Funeraires dans l'Iran Sasanide [Practices Funerary in Iran's Sasanide]. In: Bernard, P., Grenet, F. (eds.), *UNESCO colloque Histoire et cultes de l'Asie Centrale preislamique* [UNESCO symposium History and cults of the Central Asian pre-Islamic]. Paris.
- Boys, M. 1987: *Zoroastriysy. Verovaniya i obychai* [The Zoroastrians. Beliefs and customs]. Moscow.
- Dandamaev, M.A., Lukonin, V.G. 1980: *Kul'tura i ekonomika Drevnego Irana* [Culture and economy of Ancient Iran]. Moscow.
- Davudov, O.M. 1974: *Kul'tury Dagestana epokhi rannego zheleza* [The culture of Dagestan, the early iron age]. Makhachkala.
- Dvurechenskaya, N.D. 2012: Masshtabnoe sooruzhenie ranneellinisticheskogo perioda na Kampyrtepa [Large-scale structure of the early Hellenistic period at Kampyrtepa]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane* [Archaeological research in Uzbekistan] 7, 64–74.
- Dyakonov, I.M. 1971: Vostochnyy Iran do Kira (k vozmozhnoy novoy postanovke voprosa) [Eastern Iran before Cyrus (a new question)]. In.: B.G. Gafurov (ed.), *Istoriya Iranskogo gosudarstva i kul'tury* [History of the Iranian state and culture]. Moscow, 122–153.
- Ermolova, N.M. 1987: Kostnye ostatki iz pamyatnikov rannego zheleznogo veka (Yuzhnogo Uzbekistana) [The fossil remains of the monuments of the early iron age (southern Uzbekistan)]. In.: A.S. Sagdullaev (ed.), *Usad'by drevney Baktrii* [Manors of ancient Bactria]. Tashkent, 99–100.
- Grenet, F. 1984: *Les pratiques funeraires dans l'Asie Centrale sedentaire de la conquete greque a l'islamisation* [The practice funerary in the Central Asian sedentary conquest Greek was the islamisation]. Paris.
- Gritsina, A.A. 1990: Drevneustrushanskiy komponent v integratsii sogdiyskoy kul'tury [Ancient ustrushanian component in the integration of Sogdian culture]. In.: Yu.F. Buryakov (ed.), *Kul'tura drevnego i srednevekovogo Samarkanda i istoricheskie svyazi Sogda* [The culture of ancient and medieval Samarkand and the historical ties of the Sogd]. Tashkent, 33–34.
- Gutsalov, S.Yu. 2011: Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya v kontse VI–V vv. do n.e.: istoki [The funeral ceremony of nomads of the southern Urals at the end of 6th–5th centuries BC: the origins]. In.: G.G. Matishov, L.T. Yablonskiy, S.I. Lukyashko (eds.), *Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii* [The burial rite of the early nomads of Eurasia]. Rostov-on-Don, 88–104.
- Herzfeld, E. 1947: *Zoroaster and his world*. Princeton.
- Khismatulin, A.A., Kryukova, V.Yu. 1997: *Smert' i pokhoronnyy obryad v islame i zoroastrizme* [Death and funeral rite in Islam and Zoroastrianism]. Saint Petersburg.
- Khodzhayov, T.K. 1977: *Antropologicheskiy sostav naseleniya epokhi bronzy Sapallitepa* [Anthropological composition of the population of the bronze age Sapallitepa]. Tashkent.
- Khodzhayov T.K. 1980: *K paleoantropologii drevnego Uzbekistana* [The paleoanthropology of ancient Uzbekistan]. Tashkent.

- Humbah, H. 1961: Bestattungsformen in Vidêvdât. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 77, 100–101.
- Inostrantsev, K.A. 1909: O drevneiranskikh pogrebal'nykh obychayakh i postroykakh [On the ancient Iranian burial customs and buildings]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya* [Journal of the Ministry of national education. New series] XX, 95–121.
- Isakov, A.I. 1991: *Sarazm. (K voprosu stanovleniya rannezemledel'cheskoy kul'tury Zerafshanskoy doliny (raskopki 1977–1983 gg.))* [Sarazm. (To the question of the formation of the early agricultural culture of Zerafshan valley (excavations of 1977-1983 gg.))]. Dushanbe.
- Ivanitskiy, I.D. 1992: Zoroastriyskiy pogrebal'nyy obryad Samarkandskogo Sogda [A Zoroastrian funerary rite of the Samarkand Sogd]. In.: Yu.F. Buryakov (ed.), *Mezhdunarodnaya konferentsiya «Srednyaya Aziya i mirovaya tsivilizatsiya»* [International conference «Central Asia and the world civilization»]. Thesis. Tashkent, 55–57.
- Koshelenko, G.A. (ed.) 1985: *Drevneyshie gosudarstva Kavkaza i Sredney Azii* [Ancient States of the Caucasus and Central Asia]. *Seriya Arkheologiya SSSR s drevneyshikh vremen do srednevekov'ya* [Series of the archaeology of USSR from ancient times to the middle ages]. Moscow.
- Kozenkova, V.I. 1961: K voprosu o khumakh s zakhoroneniymi kostey na territorii Sredney Azii [The issue of hum with the burial of the bones in the territory of Central Asia]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology] 3, 251–260.
- Kruglikova, I.T., Pugachenkova, G.A. 1977: *Dil'berdzhin (raskopki 1970-1973 gg.)* [Dillberjin (excavations 1970–1973)]. Vol. 2. Moscow.
- Kryukova, V.Yu. (transl. from avest. and commentary) 1994: Avesta. Videvdat. Fragarad trinadcatyy [Avesta. Videvdat. Fragarad 13]. *Vostok* [East] 2, 151–157.
- Kuzmina, E.E. 1986: *Drevneyshie skotovody ot Urala do Tyan'-Shanya* [A most ancient cattle-breeders from the Urals to the Tian Shan]. Frunze.
- Lelekov, L.A. 1992: *Avesta v sovremennoy nauke* [Avesta in modern science]. Moscow.
- Litvinskiy, B.A. 1983: Pogrebal'nye sooruzheniya i pogrebal'naya praktika v Parfii (k voprosu o parfyano-baktriyskikh sootvetstviyakh) [Burial construction and funerary practice in Parthia (on Parthian-Bactrian correspondence)]. In.: B.A. Litvinskiy (ed.), *Srednyaya Aziya, Kavkaz i zarubezhnyy Vostok v drevnosti* [Central Asia, the Caucasus and foreign East in ancient times]. Moscow, 81–123.
- Litvinskiy, B.A., Sedov, A.V. 1984: *Kul'ty i ritualy kushanskoy Baktrii* [Cults and rituals of Kushan Bactria]. Moscow.
- Mandelstam, A.M. 1968: Pamyatniki epokhi bronzy v Yuzhnom Tadzhikistane [Sites of the bronze age in southern Tajikistan]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and researches on archeology of the USSR] 145. Leningrad.
- Masson, V.M. 1959: Drevnezemledel'cheskaya kul'tura Margiany [Ancient agricultural culture of Margiana]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and researches on archeology of the USSR] 73. Moscow.
- Masson, V.M. 1974: Raskopki pogrebal'nogo kompleksa na Altyn-depe [Excavation of the burial complex at Altyn-Depe]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology] 4, 3–22.
- Meytarchiyan, M.B. 2001: *Pogrebal'nye obryady zoroastriytssev* [Funeral rites of the Zoroastrians]. Moscow – Saint-Petersburg.
- Modi, J.J. 1905: *The funeral ceremonies of the Parses, their Origin and Explanations*. Bombay.
- Negmatov, N.N., Belyaeva, T.V., Mirbabaev, A.K. 1982: K otkrytiyu goroda epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza Nurtepa [Opening of the city of the late bronze age and early iron age Nurtepe. In.: N.N. Negmatov, V.A. Ranov (eds.), *Kul'tura pervobytnoy epokhi Tadzhikistana* [The culture of the primitive age in Tajikistan]. Dushanbe, 89–111.

- Plakhov, K.N., Plakhova, A.S. *Istoriya sobakovodstva yugo-zapadnoy Azii* [History of the dog breeding in South-West Asia], <http://rus-katana-dogs.narod.ru/poroda/pg13.html>
- Pugachenkova, G.A. 1987: *Iz khudozhestvennoy sokrovishchnitsy Srednego Vostoka* [From the artistic treasures of the Middle East]. Moscow.
- Pyankov, I.V. 2005: O pogrebal'nom obryade baktriytsev [About the funeral rites of the Bactrians]. In.: V.P. Nikanorov (ed.), *Tsentral'naya Aziya ot Akhemenidov do Timuridov. Arkheologiya, istoriya, etnologiya, kul'tura* [Central Asia from the Achaemenids to the Timurids. Archaeology, history, ethnology, culture]. Saint Petersburg, 360–364.
- Rapoport, Y.A. 1963: Some aspects of the evolution of zoroastrian funeral rites (according to archaeological finds). In.: B.G. Gafurov (ed.), *Trudy XXV mezhdunarodnogo kongressa vostokovedov* [Essays of the 25 international congress of orientologists]. Vol. III. Moscow, 127–134.
- Rapoport, Yu.A. 1971: *Iz istorii religii drevnego Khorezma* [From the history of the religion of ancient Khorezm]. Moscow.
- Rapoport, Yu.A. 1991: *Religiya drevnego Khorezma* [Religion of ancient Khorezm]. Research report submitted as a thesis for the degree of doctor of historical sciences. Moscow.
- Rtveladze, E.V. 1987: Les edifices Funeraires de la Bactriane serpenrionale et leur rapport au zoroastrisme [Funerary constructions of Bactria and their relation to Zoroastrianism]. In: F. Grenet (ed.), *Cultes et monuments religieux dans l'Asie centrale preislamique*. Paris, 29–41.
- Rtveladze, E.V. 1988: *Drevnyaya Baktriya – Srednevekovyy Tokharistan. Dinamika istoriko-kul'turnogo razvitiya (po materialam amudar'inskogo pravoberezh'ya)* [The Ancient Bactria – Medieval Tokharistan. The dynamics of the historical and cultural development (on materials of Amu Darya right bank)]. PhD Thesis. Moscow.
- Rtveladze, E.V. 1989: Pogrebal'nye sooruzheniya i obryad v Severnom Tokharistane [Burial structures and the rite in Northern Tokharistan]. In.: G.A. Pugachenkova (ed.), *Antichnye i rannesrednevekovye drevnosti Yuzhnogo Uzbekistana* [Ancient and early medieval antiquities of southern Uzbekistan]. Tashkent, 53–72.
- Rtveladze, E.V., Pidaev, Sh.R. 1993: *Drevnebaktriyskaya krepost' Talashkan-tepe I* [Ancient bactrian fortress Talashkan-Tepe I]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology] 2, 133–147.
- Rtveladze, E.V., Saidov, A.H., Abdullaev, E.V. (adapted from the translation, study and commentary) 2008: *Avesta. «Zakon protiv dekhvov» (Videvdat)* [Avesta. «The law against the Devas» (Videvdat)]. Saint Petersburg.
- Sagdullaev, A.S. 1987: *Usad'by drevney Baktrii* [Manors of ancient Bactria]. Tashkent.
- Sagdullaev, A.S. 1990: K izucheniyu kul'tovykh i pogrebal'nykh obryadov Sredney Azii epokhi rannego zheleza [The study of religious and funeral rites of the early iron age of Central Asia]. In.: Z.I. Usmanova (ed.), *Drevnyaya i srednevekovaya arkheologiya Sredney Azii (K probleme istorii kul'tury)* [Ancient and medieval archaeology of Central Asia (To the problem of cultural history)]. Tashkent, 29–38.
- Sarianidi, V.I. 1989: *Khram i nekropol' Tillyatepe* [The Temple and the necropolis of Tillyatepe]. Moscow.
- Sarianidi, V.I. 2001: *Nekropol' Gonura i iranskoe yazychestvo* [Necropolis of the Gonur and Iranian paganism]. Moscow.
- Sarianidi, V.I. 2010: *Zadolgo do Zaratushtry (Arkheologicheskie dokazatel'stva protozoroastrizma v Baktrii i Margiane)* [Long before Zarathustra (Archaeological evidence of protozoroastrianism in Bactria and Margiana)]. Moscow.
- Shaydullaev, Sh.B. 2000: *Severnaya Baktriya v epokhu rannego zheleznogo veka* [Northern Bactria in the Early Iron Age]. Tashkent.

- Shirinov, T.Sh. 2000: Srednyaya Aziya vo II tysyacheletii do nashey ery i protozoroastrizm [Central Asia in the II Millennium BC and protozoroastrianism]. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of material culture of Uzbekistan] 31, 35–48.
- Shishkina, G.V. 1969: Materialy pervykh vekov do n.e. iz raskopok na severo-zapade Afrasiaba [Materials of the first centuries BC from excavations in the North-West of Afrasiab]. In.: Ya.G. Gulyamov (ed.), *Afrasiab*. Vol. 1. Tashkent, 221–246.
- Shkoda, V.G. 2009: Pendzhikentskie khramy i problemy religii Sogda (V–VIII veka) [The temples of Penjikent and the problems of religion of Sogdiana (5–8th century)]. Saint-Petersburg.
- Shkoda, V.G. 2009: Pogrebal'nyy obryad zoroastriytssev [Funeral ceremony of the Zoroastrians]. *Mitra* [Mitre] 10 (14), <http://zoroastrian.ru/node/1344/>
- Snesarev, G.P. 1963: Mazdeistskaya traditsiya v pogrebal'nom obryade narodov Sredney Azii [Mazdenian tradition in the burial rites of the peoples of Central Asia]. In.: B.G. Gafurov (ed.), *Trudy XXV mezhdunarodnogo kongressa vostokovedov* [Essays of the 25 international congress of orientologists]. Vol. III. Moscow, 134–140.
- Sprishhevskiy, V.I. 1957: Raskopki Chustskogo poseleniya epokhi bronzy v 1955 g [Excavations of the Chust settlement of the bronze age in 1955]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk* [News of Academy of Sciences of the USSR. Series of social sciences] I, 65–72.
- Suleymanov, R.H. 2000: *Drevniy Nahshab (Problemy tsivilizatsii Uzbekistana VII v. do n.e. – VII v. n.e.)* [Ancient Nakhshab (Problem of civilization of Uzbekistan in 7th century BC – 7th century AD)]. Samarkand–Tashkent.
- Sverchkov, L.M., Boroffka, N. 2007: Arkheologicheskie issledovaniya v Bandykhane v 2005 g. [Archaeological research of Bandikhan in 2005]. *Trudy Baysunskoy nauchnoy ekspeditsii* [Essays of the Baysun scientific expedition] 3, 97–132.
- Tairov, A.D. 2005: *Rannie kochevniki uralo-kazhastanskikh stepej v VII-II vv. do n.e.* [The early nomads of Ural-Kazakhstan steppes in 7–2th centuries BC]. PhDD Thesis. Moscow.
- Teufer, M. 2013: Vom Grab als Totenhaus zum «Haus des Lobliedes» im jenseits. Überlegungen zum Aufkommen des Zoroastrismus aus archäologischer Sicht [From the grave as house of the dead to «the house of the Lobliedes» in the afterlife. Considerations for the advent of Zoroastrianism from an archaeological point of view]. In: G. Lindström G., Hansen S., Wiczorek A., Tellenbach M. (eds.), *Zwischen Ost und West Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Archäologie in Iran und Turan* 14, 1–41.
- Vaynberg, B.I. 1979: *Pamyatniki Kuyusayskoy kul'tury. Kochevniki na granicakh Khorezma* [The sites of Kuyusay culture. Nomads on the borders of Khorezm]. Moscow, 7–76.
- Vishnevskaya, O.A., Rapoport, Yu.A. 1997: Gorodishche Kyuzeli-gyr. K voprosu o rannem etape istorii Khorezma [The Kiuzeli-Gyr settlement. To the question on the early history of Khorezm]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 150–173.
- Vorobeva, M.G. 1973: *Dingil'dzhe. Usad'ba serediny Itysyacheletiya do n.e. v drevnem Khorezme* [Dingildje. Manor of the middle of the Ist millennium BC in the ancient Khorezm]. Moscow.
- Yablonskiy, L.T. 1996: *Saki Yuzhnogo Priaral'ya (arkheologiya i antropologiya mogil'nikov)* [Saki the southern Aral Sea area (the archaeology and anthropology of the cemeteries)]. Moscow.
- Zadneprovskiy, Yu.A. 1962: *Drevnezemledel'cheskaya kul'tura Fergany* [Ancient agricultural culture of Fergana]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and researches on archeology of the USSR] 118. Moscow–Leningrad.
- Zadneprovskiy, Yu.A., Matbabaev, B.H. 1984: Osnovnye itogi izucheniya Chustskogo poseleniya v Fergane (1950–1982 gg.) [Main results of the study of the settlement of Chust in Fergana (1950–1982.)]. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of material culture of Uzbekistan] 19. Tashkent, 46–71.
- Zezenkova, V.Ya. 1959: Kraniologicheskie materialy s territorii drevnego i srednevekovogo Merva [The craniological materials from the territory of ancient and medieval Merv]. *Trudy*

Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ehkspeditsii [Essays of South Turkmenistan archeological complex expedition] IX, 107–131.

FINDINGS OF HUMAN BONES AT THE CENTRAL ASIAN SETTLEMENTS OF
THE MIDDLE OF THE FIRST MILLENNIUM BC

Victor V. Mokroborodov

Institute Archaeology of RAS, Moscow, Russia
mokroborodov@yahoo.com

Abstract. The author analyzes the archaeological evidences on burial rites of the not nomadic population of Central Asia in the Early Iron Age. For a long time findings of this kind were almost unknown; due to their probable absence a number of conclusions were made. Systematization of scattered information about findings of human bones on Central Asian settlements and the recent such finds allows us to indicate the main features of the ritual. They are as following: the desire for isolation of the remains from the ground; finds of partial skeletons (mostly skulls); evidence of deformation of the corpses prior to decomposition of the remains; mixing human remains with bones of animals, etc. Based on the analysis of sources, the consideration of the identified elements, exceptions and analogies, the author draws a conclusion that identified evidence of Mazdenian funerary practices influenced greatly on the formation of the classical Zoroastrian funerary rite traditions in Central Asia.

Keywords: Central Asia, Early Iron Age, the finds of human bones, Mazdaism
